

Марсель, 2024

Небольшая площадка в конце тупика. Двое детей сидят на земле, вытянув ноги на асфальте и прислонившись спиной к дереву. Им по восемь лет, и кажется, что они знают друг друга целую вечность. Это не удивительно: они встретились в пространстве памяти, которая обо всем забывает.

Июль только начался, но скука и жара уже донимали их. Особенно ее, Помм, для которой все всегда идет слишком медленно. Ее другу пришла в голову идея устроить эти гонки улиток. Как всегда, она быстро втянулась в игру, начала кричать для поддержки, размахивать руками, пока он не напомнил ей, что у улиток нет слуха.

— Но тогда в чем смысл? — спросила она. — Раз мы никак не можем повлиять...

Не дожидаясь его ответа, она отошла в тень и в конце концов задремала.

— Помм! Помм, смотри!

Он толкнул ее локтем, чтобы она проснулась. К «ночной трассе» стремительно приближался дрозд. Дети со всех

ног бросились туда, но птица уже ухватила за хвост одного из моллюсков и улетела с добычей в клюве.

Уперев руки в бока, Помм смотрела на оставшуюся улитку с точкой синего лака на раковине, на ту, за которую болела.

— Получается, я выиграла, — сказала она с улыбкой.

— Тебе просто повезло, — проворчал он.

— Глупости! Везения не существует.

СТАНИСЛАС

2015

Если бы он был местом, то, скорее всего, это был бы тупик.

Так он думал, слушая радиопередачу, на которую случайно наткнулся: «Если бы вы были местом, Франсуа-Ксавье Рошуар...»

Ведущий задал этот вопрос своему гостю, писателю лет сорока, который в ответ улыбнулся радиоулыбкой. Его рот произвел едва уловимый звук.

— Я был бы... Знаете, в Сиене есть площадь, Пьяцца-дель-Кампо, которая своей формой напоминает раковину большого гребешка, а наклоном — амфитеатр. Она, кстати, вдохновила на роман Мишеля...

— Конечно! Настоящий шедевр! — восторженно перебил журналист.

— Однажды летом я поехал туда с родителями, чтобы увидеть знаменитое Сиенское Палио*.

---

* Сиенское Палио (итал. Il Palio di Siena) — традиционные скачки, проходящие в Сиене (Тоскана, Италия) два раза в год. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

— Замечательно...

— И я верю, что я — та часть детства, которая пытается существовать в бесконечной великой Истории, в этом музее жизни, которым является наша...

Станислас закатил к небу глаза и выключил радио. Тупик. Мы все — тупики. И ничего более. А тех, кто воображает себя сиенской площадью, он просто терпеть не может.

Он припарковался перед оштукатуренным домом, стоявшим в ряду других точно таких же домов, выстроившихся как по линейке на окраине города. Его родители живут здесь с тех пор, как съехались сразу после свадьбы.

Три года назад его мать покрасила ставни в лавандовый цвет, что придало этому кубу из шлакоблоков немного провансальский вид. Станислас не знает, чего в этом жесте больше: надежды на перемены или отчаянья от жизни, проведенной на окраине. Как бы то ни было, сегодня идет дождь.

Калитка не заперта. Проходя через нее, Станислас произносит: «Это я», и нет никаких сомнений в том, что это действительно он. У Синтии и Давида лишь один ребенок. Но, как всегда, все намного сложнее, чем кажется.

Его отец носит старый спортивный костюм темно-синего цвета и комнатные тапочки, с которыми не расстается целый день. Иногда он встает, выходит за дверь и достает почту из ящика. В остальное время он сидит в своем кресле, поглаживая подлокотник. Давид и это кресло похожи на дуэт французской эстрады. Два разных существа, которые

в конечном итоге сливаются воедино. Кстати, Станислас прозвал это кресло Джонатаном.

Его мать — маленькая энергичная женщина ростом около полутора метров. У нее высокие скулы, загнутые ресницы и заметные бицепсы, оставшиеся от прошлой жизни, в которой руки вечно были заняты завивкой клиенток. Сорок лет назад ее не звали Синтией. Так назывался салон-парикмахерская, который она выкупила у своей начальницы, ушедшей на пенсию. Поначалу она поправляла людей: Синтия — это не ее имя. Ее зовут Франсуаза. Но скоро сдалась. Даже муж стал называть ее Синтией.

В маленькой гостиной, как всегда, включен телевизор. «Так я обозначаю свое присутствие дома», — объясняет мать, как будто представляется ему, а отец вообще никак не реагирует. Воскресенье с родителями — это то, что ни в коем случае не ставится под вопрос. Это форма преданности, которая выдерживает все испытания. Главным образом испытание скукой.

— Курица еще не готова.

Станислас бросает украдкой взгляд на часы над духовкой, и правая бровь сама собой приподнимается от удивления. Без четверти час, а курица не готова. Эта информация сбивает его с толку, но он ничего не говорит. За свои почти сорок лет он повидал всякое. Всякое — да, но такого — никогда.

Пока обед готовится, он решает пройти в свою бывшую спальню — ту комнату, в которую он больше никогда не заходит. За двадцать лет здесь ничего не изменилось. Время

ничего не щадит, за исключением комнат детей, покинувших родительский дом. Он открывает дверь, и плакат с изображением сборной Франции по футболу восемьдесят четвертого года срывается со стены и падает к его ногам. Он перешагивает через него и садится на кровать, чтобы осмотреть музей своей юности, который не интересен никому, даже ему самому.

Узор на его пододеяльнике вполне мог бы быть воспроизведен на скатерти или же на кухонном полотенце. Он говорит себе, что, пожалуй, это лучше всего описывает вырождение того, что считается хорошим вкусом. Некий оптимизм, который не знает, что его ждет впереди. Гитара прислонена к стене, а стопка кассет покрыта пылью. Его увлечение музыкой длилось неделю. Ровно столько времени ему потребовалось, чтобы понять, что он не сможет таким образом произвести впечатление на Магалли. С двумя «л». Затем были Корина через «о», Ана с одним «н» и Сандринна с двумя «н». Интересно, стоит ли делать какие-то выводы из этой тяги к нетипичной орфографии обычных имен?

Он слышит, как мать зовет его из кухни, встает, делает несколько шагов по старому ковровому покрытию и наступает на плакат, который тут же прилипает к ботинку. Он пытается отодрать его, но желтая липучка крепко держится за подошву, и бумага рвется. Тогда он и замечает, что на тыльной стороне плаката скотчем приклеена фотография девочки.

Он не думал о ней уже много лет. А ведь в юности ему казалось, что он никогда не сможет ее забыть.

2

Ее звали Сарра. С двумя «р». В первый день занятий они оба, опоздав на двадцать минут, оказались перед списком классов, вывешенным на воротах школы. Их пальцы даже на мгновение соприкоснулись, когда они нашли свои имена. Сарра Герель и Станислас Желен. 3 «С»*. Затем они шли бок о бок, не показывая вида, что торопятся, к классу, где остальные ученики уже сидели, не сводя глаз с классного руководителя. Она постучала в дверь, извинилась за то, что они оба опоздали. Она, опять же, заняла место в первом ряду, за партой, стоявшей впритык к столу месье Маршана. Станислас сел там, где смог. От его соседа сильно пахло потом, и это послужило Станисласу назиданием о пользе пунктуальности.

Сарра была высокой, тонкой и стройной. Смуглая кожа и густые черные волосы. Плоское тело в том возрасте, когда весь мир крутится вокруг появления первых округлостей.

---

* Третий класс по французской системе образования соответствует российскому восьмому.

Глаза несуществующего цвета. Золотисто-серые. Самое ценное сокровище. Она часто оставалась одна. Читала книгу на скамейке. Она редко улыбалась, убегала, как только звенел звонок, чтобы успеть на автобус. Номер пятнадцать. Станислас изучал линию, прикидывая, на какой остановке она может выходить. Но это было потом. А пока он, как и все мальчишки из 3 «С», смотрел только на Мелоди, на ее белую кожу, голубые глаза, светлые волосы. И ее грудь третьего размера.

Станислас думает о Сарре и о фотографии, которую сунул в карман брюк.

— А ты в курсе, что сын Женевьевы уехал жить в Колумбию?

— Клеман?

— Жан-Батист.

— Нет, не в курсе.

— Это все-таки Колумбия, мне было бы беспокойно...

— Я не собираюсь переезжать в Колумбию, мама.

Мать громко смеется, и он задумывается: смеялась бы она так, если бы ей не приходилось в течение сорока лет перекрывать шум фена?

— Я знаю, дорогой.

Она отложила столовые приборы и взяла сына за руку. Медленно наклонив голову набок, она улыбнулась.

— Я даже не помню, когда ты в последний раз уезжал из города.

Целуя ее на прощание, Станислас делает глубокий вдох. Несмотря на то что она уже много лет не работает, от матери до сих пор пахнет лаком для волос, перекистью водорода и косметическими средствами. Этот запах напоминает ему о детстве, которое прошло в салоне красоты, узком, как коридор, зажатом между табачной лавкой и прачечной. Он слушал разговоры женщин, их доверительные беседы — тогда не принято было ходить по психологам. Нужно было продержаться от укладки до укладки.

«Красота — это наша тюрьма и наша свобода одновременно», — сказала ему однажды Синтия. Он не нашелся что ответить. Вечером, придя домой, он заперся в ванной и долго смотрел на себя в зеркало. Ему вдруг показалось, что быть мальчиком — ужасная трагедия. Мужчины таковы, какovy они есть. Ничего не поделаешь, сказал он тогда своему отражению, а затем повторил это своей матери. Мать посчитала его не по годам развитым юным философом.

Мужчины таковы, какovy они есть. Но, возможно, в конце концов это открытие его успокоило. Можно прожить любую жизнь, какую захочешь, имея на то веское оправдание.

Он толкает дверь своей пустой квартиры. Раньше собака встречала его прыжками, но она умерла три месяца назад, и Станислас решил, что мертвых не заменяют. Поэтому он завел себе золотую рыбку, которую из желания быть верным действительности назвал Оранж. Ключи он кладет в миску для мелких карманных вещей. Это предмет, на который он всегда обращает внимание, когда приходит к людям в гости. Место для хранения интересует его не меньше, чем его содержимое. Под его обманчивой небрежностью всегда скрывается послание, которое нужно передать. С тех пор как он это понял, это стало его способом узнавать других людей. Тех, кто привез «вещицу» с другого конца света, тех, кто нашел красивое блюдо на блошином рынке, или тех, кто пустил в дело старую миску, которую с таким же успехом можно было бы использовать для завтрака.

Он достал фотографию Сарры и несколько секунд рассматривал ее, а потом прикрепил магнитом к дверце холодильника. Он вдруг почувствовал себя смешным из-за меланхолии, которая нахлынула на него и которую он

пытался продлить как можно дольше. Сарра была его единственной любовью. И случилась она более двадцати лет назад. С тех пор он встречался с женщинами, проводил с ними время, но никогда не вступал в серьезные отношения. Именно поэтому все они в конце концов уходили от него. Ему было все равно. Станислас испытывал ощущение, а не чувства.

В конце концов он взял фотографию и сунул ее в бумажник.

Скоро ему исполнится сорок, и, хотя он утверждал обратное, этот факт его беспокоил. Конечно, имело значение и то, что он находится в середине своей жизни, но он уже давно понял, что настоящее — это автобус, который проезжает мимо нас не останавливаясь. Нет, здесь было что-то другое. Слова, давным-давно брошенные незнакомкой и подкатившиеся прямо к его ногам на сороковом году жизни.

Когда ему было восемь лет, Станислас вместе с матерью отправился к гадалке. Синтия посещала ее регулярно, что ни для кого не было секретом. Но обычно она старалась ходить туда одна. Это было ее законное время для себя, как она говорила. «А куда прикажете мне идти? Я же не пойду в парикмахерскую!» Отец лишь пожимал плечами.

На этот раз ей пришлось взять сына с собой.

Станислас сидел в углу украшенного гирляндой автодома, стоявшего на парковке торгового центра. Мать сначала хотела оставить его дожидаться снаружи, но потом передумала. Вот уже несколько месяцев, как история с похищением и убийством мальчика Грегори свела на нет частную жизнь матерей. Слова «неизвестно, что может случиться» разрушили целый мир привычек.

Помнится, он подумал, что эта женщина не похожа на гадалку, но, с другой стороны, он впервые видел гадалку. Он просто достал из кармана пальто кубик Рубика и постарался стать незаметным.

Когда сеанс закончился, гадалка, стоя на железных ступеньках, соединяющих фургон с асфальтом, задала вопрос матери:

— Вы уже рассказали ему?

— Нет еще. Ему только семь лет.

— А пора бы. Не то скоро это превратится в семейную тайну.

— Да... вы правы.

Гадалка несколько секунд наблюдала за Станисласом, а затем заявила:

— В сорок лет его жизнь изменится.

— К лучшему или к худшему? — забеспокоилась Синтия.

— Если я скажу вам, это может изменить ход событий.

Наша судьба определена, но мы вольны выбирать путь.

* * *

Вернувшись домой, Синтия усадила его за кухонный стол. Он помнит звук часов, гул холодильника и биение сердца матери, отдающееся у него в груди.

— Есть кое-что, что я должна тебе сказать, что я *хочу* тебе сказать, — поправила она себя. — Я предпочла бы дождаться лучшего момента, но кто его знает, когда он наступит, этот момент... Ясно одно: я так долго ждала только потому, что не хотела тебя расстраивать. И еще, ты должен знать, что мне было очень больно.

Она водила ладонью по столу, разглаживала скатерть, ловила кончиком указательного пальца невидимые крошки.

— Мне было очень грустно, грустно, как...

Ее взгляд упал на корзинку с фруктами.

— ...как банану.

Она схватила один банан и поднесла его к лицу, изобразив перевернутую улыбку.

— До твоего рождения у нас с твоим папой был еще один мальчик. Он родился и... сразу... умер.

Она затаила дыхание, но Станислас ничего не сказал.

— Сепсис, инфекция, — продолжила она. — Все произошло очень быстро. Он был, а потом его не стало. За одни сутки. Твой отец только успел зарегистрировать его рождение в мэрии.

Она встала, сделала несколько шагов по кухне и снова села.

— А три месяца спустя я снова забеременела. Тобой. Я до смерти боялась, но в кои-то веки твой отец не сомневался. Ты родился, и ему пришла в голову эта идея. В память о малыше... В то время так часто делали. То есть раньше, давно. Я не думала об этом. Я просто была счастлива, что ты есть, что ты здоров, и мне было наплевать на все остальное.

Она замолчала. Станислас поднял голову и уставился на нее, нахмутив брови.

— Я не понимаю, мама.

— Тот мальчик, твой старший брат. Его тоже звали Станислас.

Он почувствовал, как что-то внутри него разбилось. Звук посуды, которую берут двумя руками и изо всех сил бросают на пол.

С тех пор он больше не ел бананов.

* * *

Станисласу никогда не нравилось его имя. Оно казалось ему слишком оригинальным, слишком пафосным, слишком славянским. Он бы предпочел быть Себастьяном, как половина его одноклассников в средней школе, но родители назвали его Станисласом, бросая вызов французскому языку. Неудобная оригинальность, которая, впрочем, не оправдала себя: все звали его Стан.

Но с того дня он возненавидел свое имя, чувствуя себя за это виноватым. Он ненавидел тот факт, что это имя, которое он всегда находил слишком «уникальным», на самом деле таковым не являлось.

По вечерам Станислас часто встречается с Лораном в баре по соседству. Лорана зовут, как его собственного отца. Все свое детство он через раз поднимал голову напрасно. Они работают со Станисласом в одной банке, и они почти одного возраста. Но Лоран женат, и у него двое детей, мальчик и девочка, а еще у него коккер-спаниель по кличке Лаки, что по-английски значит «везунчик». Такая же кличка у более чем тридцати четырех тысяч животных, родившихся в том же году, что и Лоранов Лаки. Станислас уже не помнил, где ему попала эта статистика, но она произвела на него впечатление. Несмотря на бесконечное число возможных вариантов, пять процентов собак в том году были названы «везунчиками».

Лоран изменяет жене, и это не является секретом ни для кого, кроме самой Валери. Станислас долго думал, стоит ли ему продолжать отделять Лорана-друга от Лорана-мужа, особенно когда его приглашали на семейный ужин. Но порвать с тем, кто с годами стал его лучшим другом, для него было невозможно. Вместо этого он установил

правило: Лоран должен был рассказывать о своих похождениях в прошедшем времени, как будто это дела минувших дней. Согласование времен как согласие между ним и его чистой совестью, которое устраивало всех.

Итак, этим вечером оба приятеля сидят в баре. Они заказали пиво и пьют, время от времени поглядывая на футбольный матч, который без звука показывают на одном из телевизионных экранов. Станислас достает фотографию Сарры и кладет ее на стол. Глаза Лорана расширяются.

— Ты что, серьезно, Стан? Ей же лет пятнадцать, совсем девчонка.

— Это девочка из моего класса, я нашел эту фотографию в доме родителей.

— И что?

— И ничего.

— Ладно.

Лоран берет фотографию и, сделав глоток пива, долго смотрит на нее.

— Вообще-то не ахти.

Станислас ничего не отвечает. Он привык не показывать своих чувств, особенно когда его действительно что-то трогает.

— И каков план? Ты хочешь найти ее?

— Пока не знаю.

— Как ее зовут?

— Герель. Сарра Герель.

Лоран достает телефон и начинает судорожно набирать текст.

— Что ты делаешь?

— Ищу в интернете. Это она? — спрашивает он, показывая Станисласу фотографию неизвестной девушки.

— Нет.

— А это?

— Тоже нет.

— Короче, я ее не нахожу. Наверное, она вышла замуж и сменила фамилию. Но, честно говоря, она была так себе.

Лоран делает еще один глоток пива и поворачивается к телевизору.

— Я познакомился с девушкой в приложении для знакомств. Я имею в виду давно. Очень, очень давно.

В глазах Лорана загорается огонек, по лицу расплывается улыбка.

— Ты только посмотри, — говорит он, протягивая свой телефон. — Прямо истребитель. Ну или... бомбардировщик времен Второй мировой.

Станислас полистал фотографии. Позы девушки были весьма недвусмысленными. Губы уточкой, спина выгнута, руки под подбородком, всегда один и тот же профиль повернут к камере. Он читает описание: «Жюстина. 31 год. Люблю бегать и обожаю кошек. Могу приготовить каннеллони». Он смотрит на Лорана.

— Что? — говорит тот, пожимая плечами. — Я люблю каннеллони.

Станислас подождал, пока его друг свернет за угол, и схватил свой телефон. Набрал в строке поиска Сарру с двумя

«р», Герель с одним «р» и с одним «л». На экране появился результат. Он сразу же ее узнал. Она не очень изменилась, у нее все тот же строгий взгляд, но он знает: просто она так смотрит на жизнь, строго. Она уже год работает в дижонском университете, и эта информация его удивила; значит, она тоже живет здесь. Преподает социальные науки.

Он чувствует, как в груди нарастает тяжесть, одновременно мимолетная и непреходящая, и понимает, что у него намечаются проблемы: в одном предложении он использует слово и его противоположность.

Три дня спустя он проснулся ночью без видимых причин. Будильник на прикроватной тумбочке показывал 3:21. Ему не потребовалось и секунды, чтобы осознать время. Цифры показались ему обратным отсчетом.

С тех пор как он стал взрослым, Станислас никогда не просыпался по ночам. Ни сам по себе, ни по внешним причинам. Он спит этим тяжелым, свинцовым сном уже много лет. Его тело совершенно бесшумно, неподвижно. Он просыпается в том же положении, в каком засыпал. Как будто его ночи длятся всего секунду.

Но не в эту ночь.

Он встает и выглядывает в окно. Он настолько не привык к ночному пробуждению, что пытается найти ему объяснение. Но на улице никого нет, все тихо. Он наливает стакан воды, выпивает его залпом и возвращается в постель. Лежит с широко открытыми глазами и теряется в черноте ночи, как в бесконечности. Внезапно комната освещается и тут же снова погружается во тьму. Он дотрагивается пальцем до экрана своего смартфона и видит,

что на нем появилось два уведомления. Оба они пришли от контактов профессиональной социальной сети, в которой он наспех заполнил профиль несколько лет назад.

Последнее уведомление отображается в первую очередь.

Надеюсь, ты в порядке. Напиши.

Подпись: *Сарра.*

С тех пор как он помнит себя, Станислас всегда считал. Слова в предложениях, людей в комнатах, ступеньки на лестницах, секунды тишины. Он полюбил числа с того самого дня, как возненавидел слова. Это было в первом классе начальной школы, и учительница попросила их придумать рифму к своему имени. Когда подошла его очередь, он не смог придумать ничего лучше, чем «матрас». Тогда один из учеников спросил: «А как насчет свинопаса?» Весь класс засмеялся, а он подумал, что это довольно наглое замечание. Но ничего не сказал, потому что мама научила его вежливости.

Позже он обнаружил, что слова часто бывают неустойчивыми, изменчивыми, двусмысленными. Они могут иметь разные значения, разное написание и иногда даже означать прямо противоположное тому, что можно было бы предположить. В то время как цифры не причиняют вреда.

Так он размышлял еще несколько минут, пока не обнаружил второе сообщение от Сарры. То, которое пришло за несколько секунд до ее «Надеюсь, ты в порядке» и в котором была фотография газетной вырезки. Маленькая вставка

в несколько строк, от которых у него по спине пробежали мурашки.

*С прискорбием сообщаем о смерти
месье Станисласа Желена,
скончавшегося 23 сентября 2015 года
в возрасте 39 лет.*

*Прощание пройдет
в кафедральном соборе Святого Венигна в Дижоне,
в среду 27 сентября, в 14:30.*

*Похороны состоятся на кладбище Дижона
в узком кругу семьи.*

Слова захватывают и буквально расплющивают нас, подумал он. Но иногда и числа тоже.

Станислас нарезает круги по квартире. Точнее, квадраты. Сто шагов. На самом деле он считает до ста, а потом начинает снова. Он не знает, сколько раз это проделал, когда наконец останавливается, чтобы собраться с мыслями.

То, что эта девушка связалась с ним всего через несколько дней после того, как он нашел ее фотографию в доме родителей, — это одно. Но то, что второй раз он узнает о смерти человека с точно таким же именем, как у него, жившем в том же городе и почти его ровеснике... Станислас никогда не думал, что однажды произнесет эту фразу. Но он был потрясен.

Он схватил телефон и отправил Сарре сообщение:
Я жив.

Он ответил быстро, не раздумывая. Он буквально жив, и именно это он хотел сказать, но теперь он чувствует себя глупо. Хочется удалить сообщение, начать заново, написать что-нибудь менее высокопарное. Но уже нельзя. Поэтому он несколько раз перечитывает эту реплику

из американского фильма, в надежде, что она со временем немного сгладится.

Но уже приходит ответ: *Что ж, тем лучше.*

Станислас замирает на несколько долгих секунд. Его тело кажется тяжелым как камень, но ему удается дотащить себя до кровати, где он засыпает, повторяя следующий диалог:

— Я жив.

— Что ж, тем лучше.

Его мать была парикмахером, а отец «неудачником». Так тот назвал себя однажды вечером, когда они вместе смотрели телевизор. Станислас был не вполне уверен, что отец говорит именно с ним, тем более что произнес он это именно так, не отрывая глаз от женщины на экране, которая только что повернула разноцветное колесо удачи и чей белый шарик остановился на миллионе франков. «Сто миллионов сантимов», — прокричал ведущий Филипп Ризоли, подбрасывая в воздух микрофон.

Затем отец встал и пошел прокатиться на машине. Потому что помимо того, что он был неудачником, у Давида была профессия. Он был водителем такси.

Мать заглянула в гостиную и пожала плечами.

— Как он собирается выиграть? Он же никогда не играет.

В тридцать девять лет у отца случился сердечный приступ. Вместо того чтобы заняться спортом, он начал вышивать крестиком, и до сих пор никто не может понять хода его мыслей. Он стал таксистом, который вышивает крестиком,

и фантастические слухи о нем разнеслись по всему городу. В конце концов он повесил один из вышитых им холстов на приборную панель.

Вероятно, именно тогда отношения его родителей перешли от супружества к сожительству. Тело матери все дальше огибало тело отца, и Станислас наблюдал за этими новыми траекториями, как зритель на велодроме. Однажды он услышал, как Синтия шепчет кому-то по телефону:

— Я его не выношу. Жду, чтобы он ушел, даже когда его здесь нет.

Он не знает, почему думает сейчас об этом. О своем отце, о его зыбком взгляде, когда матери не было дома и они сидели лицом к лицу за обеденным столом. Они никогда не знали, что сказать друг другу, и ни один из них не делал попыток ответить что-то более содержательное, чем «да» или «нет».

Возможно, смерть его полного тезки что-то в нем пробудила. Возможно, вопросы, которые он старался похоронить глубоко в себе, поднимаются на поверхность. Как в пруду, который рано или поздно выталкивает на поверхность все, что в нем скрыто. С тех пор как Станисласу исполнилось восемь лет, он задавался вопросом, не думает ли его отец каждый раз, когда смотрит на него, о другом своем сыне. О том, кто мог бы оправдать все его ожидания. О том, кто не позволил бы ему стать неудачником.

1992–1993

Сарра была не в его вкусе, и, по правде говоря, так было всегда. Он влюбился в нее нечаянно, как спотыкаются о ступеньку лестницы, по которой ходят каждый день. Он где-то читал, что несчастные случаи чаще всего происходят на привычных маршрутах, так оно и случилось. Проучившись с ней три года в одном классе, Станислас «споткнулся» о Сарру на вечеринке, на которую сначала даже не собирался идти.

Он пошел открывать дверь, а там была она, скрытая за букетом гортензий, которые, должно быть, только что нарвала в городском парке.

— Это для твоей мамы, — сказала она, протягивая букет.

Станислас пробормотал, что это не его дом, но она была уже далеко в гостиной и ничего не слышала. В тот вечер он ее больше не видел, поглощенный вечеринкой, которая вышла из-под контроля, как все вечеринки, организованные без разрешения. Но когда он уже собирался уходить, он увидел, что она стоит перед книжным шкафом, задумчиво положив палец на подбородок.

Содержание

Марсель, 2024	9
СТАНИСЛАС	11
САРРА	229
Они	249
Эпилог.....	257
Благодарности.....	259